

МЮЗИКЛ

В НЕХОРОШЕМ МЕСТЕ

Кто найдет дорогу к театру «Царицыно»?

Независимая газ. — 1994. — 20 дек. — С. 4.

Мария Игнатьева

Игра

АЛЕКСАНДР Каневский — главный режиссер театра «Царицыно» — из заурядных и убежденных «вопрекистов». Окончив режиссерский факультет ГИТИСа (курс Юрия Завадского), уехал главным режиссером в Красноярский ТЮЗ. Для коренного москвича — поступок нешуточный. Вернулся в Москву, мечтая о собственном театре; в 1989 г. набрал актерский курс на театральном отделении Гнесинского училища, и в 1994-м — вопреки здравому смыслу — решил привести свой бывший курс целиком в областной театр юного зрителя. Собственно, после выпускного спектакля «Целуй меня, Кэт!» и режиссеру, и артистам стало понятно, что разбежаться не хочется, и как-то... невозможно. Театр родился как бы сам по себе.

За последние десять лет Александр Каневский отказался от разных «знаменитых» советских театральных идей. Например, собственный опыт работы в ТЮЗе доказал ему, что нет и быть не может «особого театра для детей и юношества». Театр может быть только плохим или хорошим, только профессиональным или непрофессиональным. В этом и вся «специфика». Но одна из идей, которую он усвоил ребенком в студии Центрального детского, которая защищена опытом Олега Ефремова и Юрия Любимова, опытом критика Павла Маркова, — что для создания нового театра нужен коллектив единомышленников, — проверена Каневским лично.

«Целуй меня, Кэт!» — классический американский мюзикл — отличный материал для нового театра. В этой музыкальной версии «Укрощения строптивой» очень много совпадений с биографией любого начинающего театра. В пьесе нищие актеры под руководством нищего режиссера разыгрывают Шекспира, им так же, как и актерам Каневского, не на что купить лишнюю чашку кофе и некогда пойти к зубному врачу. Они влюблены, смешливы, остроумны, верят в своего режиссера. Готовы работать с утра до ночи и устраивать овалы любому спонсору, который хоть как-то улучшит их положение. Американский актерский быт актерам Каневского понятен своей бедностью, к мюзиклу они готовы профессионально интенсивным вокальным и танцевальным обучением в Гнесинке. «Целуй меня, Кэт!» — это предпремьерная суматоха, помноженная на любовные истории. Это театральная сказка, где важнейшее условие —

не нарушить законы жанра, потому что истинность театральной эмоции тут сочетается со страстями понарошку. Хореограф Марина Суворова ставит десяток разнообразных танцев — от итальянской тарантеллы до стилизации танцев Боба Фосса из «Кабаре». Александр Каневский и его актеры оккупируют и сцену, и зал; режиссер заставляет публику смущаться ударяющим в лицо светом, заверчивая театральные миры вокруг нее. Он переживает стили американский с английским — и подает «Укрощение строптивой» — спектакль в спектакле — с итальянским акцентом. Бригелка получает тумачи и пощечины, вносит фарсовый комментарий в сцены сусальной сентиментальности, без которых не обходится в Америке ни один мюзикл. Ирония, которой Каневский стремится побороть сладость любовного дуэта главных героев, пока не удается самым актерам. Задача Каневского слишком трудна: влюбленный в мюзикл, он иронизирует над его условностью; прокладывая (в который раз!) дорогу этому жанру, он вносит необходимые корректировки для русского зрителя. Ведь мюзикл так и не приживается на отечественной сцене.

В 20—30-е годы мюзиклом увлекались все — от Немировича-Данченко и Таирова до Форестье, Товстоногов, Розовский, Захаров испытывали театральные возможности этого жанра. И все же русские водевили XIX века ближе сердцу русского режиссера и милее душе нашей публики, о чем свидетельствует театральная афиша. Рок-оперы и мюзиклы медленно «просачиваются» на отечественную сцену. Да и дорогое это удовольствие. Слово в насмешку над нищетой современного театра, в программе «Целуй меня, Кэт!» указано, что первый спектакль в США обошелся в 180 тыс. долларов. Все-го-то, подумаешь! Однако царицынскому мюзиклу не миновать шумного успеха, если бы не...

Нехорошее это место, Царицыно. С того самого злосчастливого дня, когда тезка нашей Кэт, императрица Екатерина II, разгладив масонскую символику на краснокирпичных постройках своей летней резиденции в Царицыно, приказала сровнять дворцы с землей. С тех пор уже 200 лет будет, как в Царицынском парке и его округе нет фонарей.

Ни критики, ни зрители в театр не едут. (За это и осуждать, наверное, нельзя). Так что пока местные власти, назло Екатерине II (или во имя ее же любви к поучительным комедиям), не поставят фонари, — дорогу на мюзикл запросто не найти.